

Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алешу Поповича (8)

Добрыня Никитич <...> его призвал государь, чтобы выполнить ему задание <...> Да, государь призвал его выполнить ему задание: съездить в некоторое государство, побить богатырей там, богатырей побить. Ну а дал срок на три года <...>, на три года. Приходит домой к Настасье Никуличне, что <в>от: государь дал задание съездить, побить богатырей (чтобы эти, эта держава не шла на это, ну на него). «Вот я на три года уезжаю, Настасья, — говорит, — Никулична, ежели через три года не буду домой, то воля твоя:

Хоть взáмуж пойдѣ, хошь вдовой живи.
За всех — за хошь за-от князя, хошь за боярина,
Хошь за русского могучего богáтыря.
Только не ходи за назвáнного за брата,
За Олѣшу Поповича!»
(Не ходи, — куда хошь иди!)

Ну, вот, значит, поехал, так и сказал. Ну поехал. Три года не был дома. Она всё ждала. Ну через три года, значит, может идти взамуж. Ну, значит, царь призвал: «Што тебе вдовой жить? Мол, лучше выйти взамуж».

А Олѣша Попович приехал из чистá поля и сказал, соврал матери, што:

«Добрыня Никитич убит лежит:
Буйна голова испрострелена <...>, исп[р]оломана,
Могúчи плечи испрострелены — убит лежит,
Нет живá Добрыни Никитича!»

Значит, он хочет ей взамуж взять. Она думала-подумала. Ну, царь да всё ведь который <...> — приказыват, чтобы она вышла за Олѣшу за Поповича. Ну, и как-то и тут уж

согласилась. Вот, назавтра
идти. Ну, на свадьбу. У царя будет свадьба.

А Добрыня Никитич в то время домой явился к своей же<не>; уже не жене,
а ну, к Настасье

дочь Никуличне: «Ну, мать (*Апра́ксия была, Апраксией звали*), а где у меня
Настасья дочь Никулична?»

— «Настасья-то дочь Никулична сегодня, — говорит, — взамуж пошла за
Олёшу за

Поповича!» Ну, ему ждать-то некогда. Он говорит: «Ну-ко!..» Да, — он
говорит, — дак она,

<...> мать-то, ведь не признала: «Он, — говорит, — убит лежит!» — «Нет, —
говорит, — мама!»

Это снял сафьян сапог (*у его именнó было!*), — тогда она ўзнала его: <...>
ну, тако именное

место было, что — всё. Тогда она схватила его дальше: «Сын мой, живой!
Дак, соврал!» —

30«Ну, — говорит, — дай мне-ка, — говорит, — неси, — говорит, — гусельцы
ярóвчаты, я, —

скоморошно платье; я скоморошиной наряжусь и пойду на пир. Та принесла
скоморошно платье.

Взял и гусельцы яровчаты!» Одел и пошел к царю на пир. <...> Заходит на
пир:

Не спрашивает у ворот приворотников,
У дверей придворников.

Всех отталкивает: поди прочь! Он ведь хоть бы что — тут не боится, а зашел
только, поклонилсе:

«Где мое место скоморошное?» Сел на печку. Вот на печку залез
скоморошина. Сидит, думат:

«Не Бог-то я и скоморошина!»

Он сел на печку и взял свои яровчатые гусельцы и заиграл. Все заплясали,
— такого игрока

не было. А Настасья дочь Никулична говорит: «Только ведь мой муж,
Добрыня Никитич, играл

так хорошо!» Ну, его — как хорошего игрока — посадили за стол: «Заходи,
— князь Владимир,

— заходи, — говорит, — я тебе три места даю, игроку:

Перво место подле меня,
Хошь — супротив меня,
А третье место — куда сам захошь, куда пожалуешь!»

Он с царем не сел, Добрыня Никитич, и ни с кем, а сел напротив своей Настасьи дочь Никуличны.
Напротив. Ну, тут они, невеста тут — сидят, а напротив своей стал. Ну, подносят, подносят ему чару зеленá вина, Добрыне Никитичу. Он взял чару зеленá вина и спросил: «Разрешите мне подать эту чару зеленá вина, кому я знаю, кому пожалую!» Встал он на́ ноги и стал подносить Настасье дочь Никуличне эту чару зеленá вина и говорит:

«Ежли пьешь до дна, то видáешь добра,
А не пьешь до дна, не увидаешь добра!»

А... вот, а сам, значит: «Пьешь до дна — видáешь добра», а сам в это-то время, пораньше-то, спустил именной перстень в эту чару-ту. Она как до дна-то выпила, имянной-то перстень подкатился на́ губы-ти. Она вскочила и закричала зычным голосом:

«Не тот муж, и который рядом со мной,
А тот муж, который насупротив меня!»

Вот так. Ну, и всё. Тут бросилась к ему на шею: «Прости, — говорит, — ты меня, виноватую, что я взамуж пошла!» Он и говорит: «Да, — говорит, — у женщин ум... ум-волос долог <...>, да ум короток, — говорит, — ну, я тебя прощаю. Ну, за братана, брата *(когда побратались Добры<ня> и Олёша Попович)* не прощаю за то, что соврал-приехал, что я убит лежу!» И тут схватил его вот через стол и всё: ёму всю хватит — бряк об стол! Царь, а царь — тот сам убежал. Не показывается и боится, чтобы ему не попало. *(Ну, и всё...)*

(Зап. И. Одинцовой, А. Массарани в июле 1975 г.: д. Печище Мезенского р-на — от Суднова Степана Андреевича, 76 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.